

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

Родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром в Тарской центральной районной библиотеке. Стихи и проза публиковались в различных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и других городов. Лауреат ряда всероссийских и международных литературных конкурсов, лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2015). Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

МЁРТВЫЙ КОСМОС

Чернота (хуже лишь в петле),
Но, наверное, это правильно:
Я в космическом корабле,
Неизвестно куда отправленном...
Михаил Четыркин

Если вы думаете, что за бортом тишина, то глубоко ошибаетесь. Вслушайтесь... Снаружи по обшивке корабля колотят мелкие камушки, заброшенные сюда, должно быть, с другого конца галактики. Конечно, вы не слышите, как они скребутся и жалобно взвизгивают, рикошета, ведь несколько слоёв звукоизоляции и полный вакуум снаружи создают ощущение, что там царит мёртвая тишина. Но это обман! Слух подводит вас. На самом деле вакуум жив. Если вслушаться, можно различить шипение плазмы в утробе далёкой Бетельгейзе. Это красный гигант. Пузатая звезда, прожигаящая космический мрак. Даже её жар можно почувствовать, стоит лишь протянуть руку к иллюминатору и коснуться стекла кончиками пальцев.

Вы этого не чувствуете. Не в силах ощутить. Вам невдомёк, что за бортом не бессловесная пустота, а мир, говорящий с нами. Надо лишь выучить его язык, и мы сможем ответить, выкрикнуть во вселенную, чтобы в самых дальних и тёмных её уголках заплясало восторженное эхо!

А ведь мы можем! Могли... Какие у нас были амбиции! Мы смотрели на небо сквозь оптику телескопов и мечтали... высадится на Луну, встретить более развитую расу. А что теперь? Перелёты с одной планеты на другую. «Космические грузоперевозки» – звучит?! А вот ни черта подобного! Романтики и след простыл. Теперь космос – это переплетение транспортных артерий. Он кажется вам мёртвым, как нанобетон на земных дорогах. Но космос жив. Я чувствую это...

Какое сегодня число? Хотя не важно... Вот уже который год я нахожусь на орбите этой планеты. Старший техник обещал, что починит генератор в течении пяти суток, но он лгал. Я видел это в его глазах. Взгляд не умеет лгать. А за ложь нужно наказывать! Всегда! Я взял пистолет, прижал к затылку этого подлого лгуна и нажал на спусковой крючок. Согласно инструкции, оружие должно быть и у капитана, но какой русский следует инструкциям? На всём корабле пистолет лишь у меня! Хороший пистолет. Семь патронов, один щелчок предохранителя – и всё...

Когда сломался генератор, нас было шестеро, а магазин моего малыша был полон. Теперь там пусто. Но мне ничуть не жаль, что себя я пули не оставил. Мне не жаль... я получил великий дар – возможность чувствовать космос. Слышать, видеть, осязать. Когда кончики пальцев начинает пощипывать, я могу с уверенностью сказать, что вблизи пролетел астероид. На орбите планеты, которую я назвал Ниной, кружится много астероидов, но за годы моего затворничества не было ни одного столкновения. Может, Бог оберегает? Ведь отсюда до него, наверняка, каких-нибудь пара световых лет...

Нина. Красивое имя для планеты. Так зовут мою дочь. У неё светлые кудряшки, совсем как у мамы, и мои глаза – серые. Кто-то говорит, что серый цвет символизирует холод, но нет же! Серый – цвет нашей жизни. Цвет обыденности, но в то же время искренности. Иногда она отвечает мне... не дочь, а планета. Я вижу, как далеко внизу вспухают

нарывы вулканов, как серые, будто глаза моей дочурки, облака пронзают юркие кометы. Чувствую, как планета содрогается и болезненно скулит. Тогда я встаю с кровати, иду к иллюминатору и прикладываю ладонь к стеклу. Глажу холодную поверхность, приговаривая: «Успокойся, Нина, всё пройдёт». И планета замолкает, засыпает, убаюканная моим голосом.

Капитан не верил мне. Никто не верил. Но больше всех – он. Твердил, что я сошел с ума. Это было ещё до того, как я вышиб мозги лживому технику. Инженеру – так он себя называл. Не смог исправить пустяковую поломку, а признаться не хватило духу...

Но капитан... Как он смотрел на меня! Эти зелёные глаза... Странные, зелёные глаза. Знаете, когда я вижу зеленоглазую женщину, думаю что это ведьма. А мужчину... Я ненавижу зелёный цвет, но его глаза всё равно были зелёными! И тогда я сказал ему: «Послушай, ты! Не смотри на меня так! Я нормальный!»

А он смотрел, говорил, что ему жаль, что он скорбит о моей утрате. Он говорил, что Нина умерла быстро... Он посмел сказать, что моя дочь у-мер-ла... Лжец!

Как вообще сходят с ума, если вдуматься? Осознают ли собственное безумие? Вот, к примеру, Петровский... Он, хоть и врач, но после полугода заточения сказал, что начинает сходить с ума. А говорят, что безумцы никогда не признаются в безумстве! Но он-то признался. Он-то нашел в себе силы, чтобы взять нож и воткнуть его себе в самое сердце, во-о-от сюда, где у каждого из нас стучится о рёбра маленькая планета...

Мы перевозили продукты. Тысячи тонн груза для отдалённой колонии. Обычное дело – загрузиться на Земле и отчалить. Путь в одну сторону – полгода. Обратный, с остановкой на Баркане, – восемь месяцев. Мы четырежды летали этим курсом. За пятнадцать лет не было никаких перестановок в экипаже. Тот же капитан, тот же техник, тот же офицер безопасности – я. И мы летали... Перевозчикам всегда хорошо платят.

Мерзкий толстяк по фамилии Карасёв пожимал нам руки по возвращении, говорил, что мы сделали важное дело и раздавал зарплатные карточки. Семьсот тысяч кредитов за один полёт! С ума сойти, какие это были деньги. Вот то безумие, в котором можно упрекнуть каждого из нас. Мы покупали себе хороший транспорт, ремонтировали дома. Нина учила языки. Я специально отдал её в платную школу – мог себе позволить, – где девочка изучала китайский, арабский. Даже мёртвый английский и тот учила. Она у меня умница. И красавица – вся в мать...

Мать... Мать твою, капитан! Ты даже в мои воспоминания влазишь и всё путаешь, дохлый зеленоглазый мерзавец!

Шарков был лоцманом, сколько его помню. Прокладывал путь между близко расположенными планетами. Бывало, что в гравитационную яму, как он это называл, проваливались даже крупные транспорты, не то, что наш коротышка-корабль, вот Коля и следил за курсом. В тот день он прибежал к нам и сказал, что всё пропало – гравитационное поле планеты затягивает нас на орбиту, а генератор, который должен бороться с чёртовой гравитацией, сломался. Он сказал, что кто-то намеренно повредил блок управления. Кто-то... Кто-то из нас. Может быть, я? Повредил блок... А это значило, что удрать мы не сможем. Коля – единственный из всех, кого мне искренне жаль. Он ни в чем не виноват. Но стал-таки первым, кто ушел из жизни. Док сказал, что сердце не выдержало.

Коля, доктор, затем этот тощий прихвостень капитана – Ильин. Как же его звали?... Ещё бы вспомнить... На него я потратил две пули, одна из которых могла быть моей. Ублюдок кинулся на меня с ножом, замахнулся.

Он сказал, что я – убийца, что я спятил...

Ещё мгновение, и клинок пропорол бы мне грудь. Шагнул, замахнулся, а в глазах – безумие и ярость. Вот кто был психом! Я замешкался, потому что цвет глаз у него

был таким же, как у моей дочурки, а потом... Потом капитан. Улыбчивый, лощёный... Его всегда любили женщины – зелёные глаза, светлые волосы да ещё крепкое тело. Стоило капитану зайти в бар, и его тут же окружали красавицы – только выбирай. Одна из бывших пассий кэпа как-то призналась мне, что её всегда заводил зелёный цвет глаз. Зелёный! И вот однажды он с надменной усмешкой на своей подленькой крысиной мордочке заявил: «Что, Денис, не нравятся мои глаза?» Да нет же, не сказал, лишь подумал. Зря он об этом подумал!

Мы к тому времени кружились на орбите уже второй год. Втроём: я, капитан и техник. Нервы сдали у всех, и разве что мне удавалось сохранять присутствие духа. Капитан вопил, как баба, что если два года нас никто не искал, то и не найдут, ведь включены поисковые маяки, сигнал бедствия подаётся непрерывно, а они всё равно не ищут. Техник говорил, что это всё из-за магнитного поля планеты. Из-за Нины. Да как он посмел обвинить её в нашей беде?! Мою дочь! Чёртов подонок! И капитан не лучше. Вот когда вскрывается истинная сущность человека! Капитан сказал: «Отдай мне оружие, парень»... Он подозревал, что я спятил, но ещё большой вопрос, кто из нас двоих был здоров!

А потом я вскинул пистолет и мягко нажал на спуск. Так плавно, как будто боялся промахнуться. Попал, конечно – с расстояния в пять метров трудно промазать. Прямо в глаз! Точно в один из противных бело-зелёных шариков, которыми он пялился на меня. Хлюп! И вот уже нет капитана. Помню, как я сказал технику, что нас осталось двое, но пистолет только у меня, ведь я офицер доброй службы безопасности! Я приказал ему: «Чини!», и он послушался, а потом развёл руками, мол, не могу, и тогда – «Бах! Бах! Бах! Бах!»... Пока его череп не раскололся от избытка свинца.

Иногда мне кажется, что стыковочные шлюзы отпирают и в корабль проникают люди. Тогда я вскакиваю с кровати, босой

бегу через полутёмные отсеки, не дожидаясь пока автоматизированная система освещения услужливо зажжет лампочки над моей головой.

Бегу, бегу...

То ли в бреду, то ли наяву.

Бегу, бегу...

Прорезиненные коврики впиваются в ступни ребристыми выступами, и я понимаю, что вокруг не сон, не бред, а реальность, которая хуже любого бреда.

Бегу, бегу...

Но возле стыковочных шлюзов, конечно же, никого нет и быть не может. Хотя... стоит мне развернуться к ним спиной, вновь слышится шарканье шагов, стук тяжелых ботинок по полу, приглушенные перешептывания. Долетает из дальних отсеков звонкий детский смех.

Однажды я решился – взял в руки кухонный нож и пошел посмотреть, что творится в отсеке. После отбытия с Земли мне приходилось бывать там нечасто – продукты для экипажа хранились отдельно. Огромное помещение, заставленное коробками и тюками с тряпьем, встретило меня затхлостью, запахом гнили и разложения. За пределами отсека смрад не чувствовался – спасала система вентиляции, но все продукты, которые мы перевозили, были испорчены и теперь от тошнотворно-сладкого запаха кружилась голова. Я поскользнулся и чуть было не растянулся в грязно-бурой луже, которая натекла из-под дальних контейнеров.

Потом сзади послышалось хлюпанье босых ног, я обернулся и увидел её – Нину, мою малышку. Но она не могла находиться на корабле, и я закричал, бросился прочь из отсека, а когда у самого шлюза обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на дочь, её не было видно, как и бурых потёков на полу. Пропал и сладковатый запах. Больше я никогда не ходил в тот отсек. Он намертво заперт и заблокирован с главного терминала. Больше я туда не войду, а то, что таится за ящиками, никогда не выберется наружу.

За двое суток до трагедии пришло сообщение с Земли. Чёртов лжец Карасёв сообщил, что моя дочь утонула в школьном бассейне. Моя Нина! Но он лгал. Теперь я это понимаю. Он лгал, потому что он – Карасёв. Жирная рыбина – карась, который не умеет плавать. А Нина умеет и никогда не утонет. И я умею. Я плаваю по космосу на большом грузовом корабле.

На корабле есть спасательные модули – маленькие, похожие на патроны капсулы, в каждой из которых способен поместиться человек. Через месяц после поломки генератора мы решили проверить, можно ли таким способом выбраться из ловушки. В теории всё было просто – нужно сесть в капсулу, задать координаты эвакуации, и умная техника доставит тебя к ближайшей транспортной магистрали, где спасённого человека подберут в течении десяти суток. Никто не хотел становиться подопытным, и капитан положил в капсулу свою рубашку, а я – подушку.

Мне не жаль убитых. Мне жаль подушку...

Капсула выстрелила из спасательного отсека, и мы, как замороженные, смотрели на её полёт. Через минуту огромная сверхтехнологичная пуля с моей удобной подушкой загорелась и взорвалась. Тогда я придумал, что делать с телами. Я знал, что скоро трупов будет много.

Это просто – нужно положить покойника в капсулу, задать координаты и наблюдать, как та сгорает в атмосфере.

Я экономлю энергию реактора... но ночью, когда я решаю, что это – ночь, над кроватью горит лампа. Я боюсь этих людей: капитана с его зелёными глазами, тощего мерзавца с ножом и техника... Они приходят ночью, бродят по каютам, забираются в подсобные помещения, скребутся под полом и в системе вентиляции. Их тени мелькают в тёмных коридорах. От них пахнет горелым мясом. Я просыпаюсь, бегу на звук шагов, включаю свет в холодных отсеках, но там никого. Совсем никого.

Я спрашиваю космос, сколько мне ждать, но космос молчит! Я кричу: «Сколько мне осталось?!», а в ответ – могильная тишина. Слышу, как поскрипывают пластиковые сочленения внутренней обшивки, как тихо шипит система охлаждения бортового компьютера, но космос молчит. Он таится, делает вид, что не слышит меня. Мерзавец!

Когда-нибудь нас найдут. Меня. К торговому кораблю пристыкуется спасательный модуль, люди войдут внутрь и увидят в кресле пилота сморщенное тело старика. А может, и не найдут никогда. Долго будет кружиться корабль вокруг необитаемой планеты. Астероид ли прервёт его бесполезное существование, или взорвётся реактор – кто знает... А пока я надиктовываю свои мысли, в иллюминатор за мной наблюдает Нина... Доченька...

ХОЛОД

За ночь небо совсем выстыло. Серое, мрачное, оно жалось к земле, сыпало редкими снежинками. По соловейке шла шуга.

– Зима! – запрокинув голову, выкрикнул в низко надвинутое небо Игорь.

Ему почудилось, будто в этот рассветный час слова ударились о мёрзлую корку остеклевших туч и горохом сыпанули вниз, раскатившись эхом.

– Чего раскричался-то? – услышался от ворот скрипучий старушечий голос. – Я тут подумала...

Игорь обернулся, хрустко прошагал по мёрзлой траве, обхватил сухую старушонку за плечи поверх пухового платка и повёл в дом.

– Ма, ты, это самое, чё встала-то? – бормотал он, склонив голову в дверном проёме, шагнул в единственную комнату ветхого дома.

– Тебя ждала, – мать безволежно вздохнула. – Да и воздуха свежего захотелось, а то вдруг более не придётся вздохнуть по-настоящему.

– Типун тебе на язык! – насупившись, заворчал Игорь. – Докторша что сказала: надо лежать, таблетки пить и всё пройдёт.

Мать присела на край кровати, участливо взглянула на сына. Ржавая панцирка даже не скрипнула под шуплым телом, будто старушка весила меньше пуховой подушки.

– Пропадёшь ты без меня, – вдруг проговорила она и скопилась на почерневшие от времени иконки, расставленные на прикроватной тумбе.

– Ну, ма-а! – Игорь в отчаянье запустил пятерню в волосы, провёл ото лба к затылку.

– Ты же пьянствовать будешь с дружкой. Я-то знаю, – не унималась мать.

– Ма, ты, это самое, не говори так. Я же пообещал, что не буду... закладываться. Железно. По весне огород вспашем, посадим картошку, я Вовку к нам перевезу. Будет бегать голопузый между грядками.

Он натянуто улыбнулся. Странная была улыбка. На широком, небритом лице двухметрового детины она смотрелась неискренне.

Чему улыбаться? Что есть у Игоря к сорока годам? Ржавый «Юпитер» с помятым крылом, материнский домишко-завалюшка на окраине захолустного городка... Скучность. Зато кореша рядом верные: Саня и Шуруп. Игорь попытался вспомнить имя Шурупа, но вдруг понял, что, кроме как по прозвищу, к заводскому водиле он никогда не обращался. Фамилия то ли Толкачёв, то ли Толмачёв. Да и чего о нём думать – надо о себе не забывать. Да, было времечко: жена, сынишка, работа. Мать сильная, волевая. Деревенская женщина – «баба», как именовал её покойный батя. И было это не ругательство, а признание исконной женскости, крепости. Отца она тянула по жизни пятнадцать лет. Батя, как теперь Игорь, частенько нырял в бутылку, тонул в ней от безволия. Мать спасала.

– Я подумала, – улегшись на кровать и глядя в белёный потолок, сказала мать, – в подполе огурцы, помидоры, капуста солёная в кадке. До весны тебе еды хватит. Сольца немного. Я тебе наготовила, чтобы хватило, когда уйду.

Игорь окаменело стоял в дверях. Тусклым, потерянным взглядом смотрел он на старушку. Мать шептала что-то ещё о том, как было бы здорово увидеться напоследок с Вовкой, с Настей. Упрашивала сына помириться с женой.

Когда она наконец уснула, Игорь вышел из дому, запрокинул голову к печальному небу и глубоко, полной грудью, вдохнул. Аж зубы заломило. Вдох сорвался на кашель.

Всё ближе зима, всё явственнее её присутствие...

– Боженька, пожалуйста, – зашептал Игорь, глядя на такое близкое небо, – дай маме здоровья... Я пить брошу... Ну, пожалуйста! Я не смогу один.

Небо молчало. Зато по пустынной улице, оскальзываясь в промёрзшие колеи, шёл Шуруп. Низенький, с пивным брюшком, словно приплюснутый. Голова его, казалось, плавно перетекала в тело, вместо шеи кустилась жёсткая щетина на холмиках второго и даже третьего подбородков.

– Здорово! – прогнусавил он издали.

В соседнем дворе зашла в лае собака. Шуруп зло пнул ворота, пружинисто направился к приятелю.

– Чё мёрзнешь?

Протянул Игорю пухлую ладонь. Поздоровались.

– Мать спит, будить не хочу. А ты чё?

– А меня Светка из дома выгнала. Говорит, буду пить – обратно не пустит. Квартира на ней записана. Дура тупая!.. – и вдруг предложил: – Давай накатим по случаю. У меня настойка имеется.

А в доме, прижав иконку Богородицы к сухим, потрескавшимся губам, мать шептала:

– Дай мне, Матерь Божия, ещё пожить. Игорёша не сможет без меня. Сопьётся ведь. Дай мне ещё чуточку времени. Грамулечку. Лишь бы вразумить его...

Выстывшее за ночь небо, холодное, с комьями смёрзшихся туч, висело над городком и замерзающей рекой. Вдалеке, на

перекрёстке, в морозной дымке показались ранние прохожие.

– Светка, дура, выходной мне испортила. Ещё кочевряжится, мол, хватит бухать. А она кто такая, чтобы мне указывать? – брызжа слюной, рассуждал Шуруп. – Нами жива Россия, город вот этот нами жив. Тобой и мной, а не бабами этими. Согласен?

Игорь оглянулся на улепленные инеем ворота, вдохнул.

– Согласен, спрашиваю?

– Холодно мне тут, – отозвался Игорь своим голосом. – Пойду в дом, к матери. Ты вон, к Саньку сходи, с ним накатай.

Шуруп пропал, словно и не было его, а Игорь задержался, невольно взгляделся в расступившиеся тучи, местами порозовевшие от разгорающегося рассвета, вместе с которым пробивались первые лучи солнца. Они совсем не грели, но почему-то от них стало теплым-тепло.